

ФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ

В.А. Гуторов, канд. филол. наук (Харьков)

Осмысливается категория фикциональности в разных типах сознания и различных дискурсивных практиках. Актуализируется онтологический и интерпретационный план фикциональности в информационном дискурсе.

Ключевые слова: фикциональность, информационный дискурс, социальная ложь, двойное сознание, энкратичность

В.О. Гуторов. Фікціональність як інтерпретаційна проблема у різних дискурсах. Осмислюється категорія фікціональності в різних типах свідомості та різних дискурсивних практиках. Актуалізується онтологічний та інтерпретаційний плани фікціональності в інформаційному дискурсі.

Ключові слова: фікціональність, інформаційний дискурс, соціальна брехня, подвійна свідомість, енкратичність.

V. Gutorov. Fictionality as a Problem of Interpretation in Various Discourses. The category of fictionality is approached in different types of consciousness and in various discursive practices. The ontological and interpretational plans of fictionality in the informational discourse are emphasized.

Keywords: fictionality, informational discourse, social lie, double consciousness, encracy

Актуальность исследования определяется тем, что фикциональность как методологическая гуманитарная универсалия определяет связь эпистемологических смыслов и дискурсивных сущностей на уровне человеческого сознания в его идеологической и культурной предопределённости. Поэтому различные исследовательские аспекты фикциональности входят в активное познавательное пространство гуманитарного знания.

Объект исследования составляет фикциональность как методологическая категория гуманитарного знания, определяющая эпистемологию и онтологию различных дискурсов.

Предметом исследования является сущностный план различных дискурсов в связи с их познавательными особенностями, пониманием и интерпретацией.

Цель исследования – эксплицировать словесную природу фикциональности на уровне методологии и онтологии в различных дискурсивных практиках.

Феномен фикции как этический конфликт несоответствия формы выражения определённого содержания и онтологической природы этого содержания в различных дискурсах проявляется по-разному, но всегда составляет основу их содержательной и поэтической сущности. Эффект “социальной лжи” как проявление “отслоения слова от действительности” (М.К. Мамардашвили [3]) может проецироваться на разные планы человеческого сознания – от обыденного до философского и научного. Если в обыденном сознании этот феномен воспринимается в оценочном модусе оппозиции истина/ложь, то научное сознание осмысливает это явление в различных гуманитарных парадигмах: философской, лингвистической, эпистемологической, нравственно-этической, культурологической. Правда, может быть, в силу этической пронизанности объекта оценочный момент захватывает осмысление всех категорий, имеющих конвенциональный смысл. Например, содержательно-поэтичес-

кая инфраструктура современной рекламы, принятая современным общественным и культурным сознанием и ряд методологических и содержательно-эмпирических мифологем в научном дискурсе. Причём, в данном эпистемологическом контексте оценочное восприятие перерастает свой констатирующий смысл и порождает аналитический процесс осмысления природы феномена фикциональности в её имманентной, конвенциональной и функциональной сущности.

Фикциональность как категория феноменологической природы имеет безусловный интерпретационный смысл. Осмысление фикциональной составляющей в различных дискурсах доступно развитому языковому сознанию. Когда языковая личность пребывает в модусе энкратической однозначности в восприятии и продуцировании текстов, когда она не владеет приёмами языковой игры, когда её сознанию не доступно понимание “непрямых” смыслов, условностей повествовательных форм, соответствий между типами человеческого сознания и социально значимым содержанием, об интерпретационном варианте дискурсивной фикциональности говорить не приходится. Очевидно, понимание фикциональности на интуитивном и мыслительном уровне определяет философскую и теоретическую зрелость языковой личности, поскольку речь идёт о категории, взламывающей стереотипы ценностной стабильности в современном дискурсивном пространстве в различных его составляющих: политической, рекламной, научной, информационно-публицистической, юбилейной и т.п. и противопоставляющей “общему пониманию” взгляд “уникальный”, своего рода личностное откровение сути явления, сопряжённое с радостью познания.

Очевидно, тотальной дискурсивной фикциональности может быть противопоставлено чувство языка – многослойная в эпистемологическом плане категория – уникальный талант Личности, открытый к познанию Мира в его нетривиальных связях и формах.

Можно привести примеры полного отсутствия “чувства языка”. Как мог быть прокурором России человек по фамилии Скуратов? Как можно назвать флагманский планшетный компьютер “я гигиеническая прокладка” (iPad)? Какие смыслы можно прочесть русскому потребителю в английском названии дезодоранта “Lady Speed Stick” – “дама быстрая палка”, какая европейская модница пойдёт в бутик “Naf Naf”?

Информационный дискурс традиционно в советском культурном пространстве связывался с феноменом двойного сознания и социальной лжи. Энক্রатический язык как язык власти (политической, государственной, идеологической, культурно-этических норм) предполагал “непрямые” отношения между смыслом и его пониманием (Р. Барт [1]).

Если снять культурно-временные коннотации, связанные с общественно-идеологической ситуацией прошлого века, можно говорить о непреходящем характере категории фикциональности, определяющей эмпирическое содержание и глубинный смысл в информационном дискурсе. Примером интерпретационного характера информационного содержания может служить освещение в российских и украинских СМИ газовой проблемы.

В плане поэтической фикциональности можно назвать “эффект неудовлетворённого ожидания”: анонсы и реклама обещают один тип и объём информации, а конкретная телевизионная программа даёт другой, часто только пунктирно называющий содержательные моменты темы или вообще вводящий зрителя в другое содержательное пространство. Происходит своеобразное скольжение по поверхности общей темы, без проникновения в глубинные смыслы, связанные в определённую концепцию содержания. Существует своеобразный тип скользящего текста – комментария к программам изобразительного плана (например, телеканал Nat Geo Wild), в которых визуальный и текстуальный уровни диссонируют по своей значимости, нарушая при этом семиотический закон “превосходства” текста как знака, заключающего множественность смыслов, рождающихся на рубеже авторского и читательского сознания (М.М. Бахтин [2]), над знаком визуальным, представляющим

более однозначные смыслы, связанные с эстетическими, культурными, прагматическими стереотипами времени.

Эпистемологическая подвижность в научном дискурсе может приобретать взаимоисключающие формы, которые своеобразно соотносятся с фикциональностью как антиподом однозначности, стабильности и нормативности.

Так, например, дискурс-анализ, разработанный в теории и практике современной лингвистической науки ван Дейком, подвергается им же самим принципиальному отрицанию по методологическим соображениям:

Although critical approaches to discourse are commonly known as Critical Discourse Analysis (CDA), I prefer to speak of Critical Discourse Studies (CDS). This more general term suggests that such a critical approach not only involves critical *analysis*, but also critical *theory*, as well as critical *applications*. The designation CDS may also avoid the widespread misconception that a critical approach is a *method of discourse analysis*.

For the same reason, I favour the term Discourse Studies (DS), rather than Discourse Analysis, to designate a multidisciplinary field of scholarly activities that are obviously not limited to the *analysis* of text and talk. Moreover, as a *discipline*, DS has many types and methods of analysis: it is not “a” method among others within the humanities and the social sciences [4].

Очевидно, дискурс и анализ понятия оксюморонного типа. Анализ предполагает формулу, модель, стереотип инструменталистского толка в подходе к предмету, а дискурс, олицетворяя широту и неповторимость жизненных проявлений, предполагает эвристичный, неповторимый исследовательский подход к подвижному, процессуальному предмету.

Фикциональная природа эпистемологического конфликта в понимании и интерпретации проблемы русско-украинского двуязычия может приобретать культурно-идеологический и этно-генетический смысл.

Проблема двуязычия существует в современном общественном сознании как неразрешимый конфликт противоборствующих концепций, утверждающих или отрицающих этот феномен.

Конфликт как столкновение суждений, наполненных оценочными коннотациями, с неизбежностью обуславливает способ выражения – полемический публицистический дискурс, в котором экспрессия преобладает над аналитизмом, а основной модус восприятия проблемы – состояние аффекта, в которое входят авторы соответствующих текстов и участники тематических дискуссий. Произошёл безусловный перекосяк в общественном и профессиональном сознании в сторону публицистики и полное отторжение от философского и теоретического планов осмысления сущности феномена двуязычия. При этом происходит своеобразное отслоение нерасторжимых по своей сущности феноменов – языка и действительности в многообразии составляющих её инфраструктуру. Когда речь идёт о языке, русском или украинском, об их роли в государственной, общественной, культурной, научной жизни, безусловной пресуппозицией при этом является реальность жизни, в её значимых для человека ценностях. Та или иная человеческая позиция в оценке языковой ситуации обуславливается личностным сознанием, которое, с одной стороны, восходит к субъективному жизненному опыту, а с другой, соотносится с идеологическими стереотипами, формирующими национальную ментальность в её ценностных мифологемах, идеологемах и культурах. Таким образом, можно говорить о своеобразной подмене объекта осмысления в лингвистических дискуссиях, о переносе его сущности в поверхностный план эмпирической функциональности. Причём модус интерпретационного дискурса имеет характер однозначной безусловной декларативности, по органике выражения противоположный мыслительному процессу. Очевидно, поэтому феномен двуязычия представлен в его понимании и интерпретации в политическом, идеологическом, культурном и быденном пространствах.

Объект научного осмысления феномена двуязычия, очевидно, в первую очередь, требует актуализации онтологического соотношения двуязычия с “плотностью” гуманитарных универсалий, организующих культурное пространство человека. Речь идёт о соотношении имманентности и “ру-

котворности” двуязычия как культурного процесса, которое проецируется на социально-идеологический план жизни, преувеличивая при этом общественные функциональные смыслы уже не столько лингвистической, сколько политической оппозиции. Вопрос о двуязычии как имманентной данности, организованной в определённую культурную инфраструктуру с разветвлённым функциональным пространством для современного научного сознания нельзя назвать актуальным. Производной этой проблемы можно считать соотношение двуязычие/время. Каковы возможности и права человека в континуальном временном пространстве в его преобразующей деятельности по отношению к языку как феномену, определяющему жизнь человека во всех её ипостасях: мыслительной, духовной, культурной, творческой, обыденной?

Не осуществляет ли такая революционная деятельность, определяемая государственной политикой, “нечто сродни насилию” (А. Кушнер) над природой человека, хотя бы уже и опосредованной социально-культурной организацией. Когда премьер-министр Украины подписывает постановление Кабинета министров, устанавливающее правила речевого поведения учителей – вне уроков учителя обязаны говорить только по-украински – она, очевидно, уверена в положительном смысле этой акции и не подозревает о том, как это связано с природой мышления и словесного выражения человека.

Социальная природа языка “даёт волю” регламентирующей деятельности человека, представляющему современный социум в его жизненно значимых ипостасях: политической, идеологической, государственной, которая, с одной стороны, угнетает личность, пренебрегая её интересами, а с другой, актуализирует те ценностные категории, которые значимы для человека по природе его сознания – чувство этнической самоидентичности и генетической памяти, чтобы манипулировать с его сознанием в языковой политике.

Регламентирующая политика власти, определяющая судьбу двуязычия как государственно негативного явления, приводит к своего рода мутационным процессам в сознании людей, которые переключо-

чаются в виртуальный план жизни, обеспечиваемый им русскоязычными СМИ. Лишь бы на русском языке – они слушают российские телевизионные новости, новости другой державы. Способ выражения, язык информации становится самодостаточным феноменом, независимым от содержания.

Очевидно, на новом витке дискурсивного развития этот феномен можно рассматривать как проявление универсальной гуманитарной закономерности – отслоения слова от действительности.

Культура как способ организации жизни в своей онтологической сущности представляет собою продукт человеческой деятельности, с одной стороны, а с другой, имманентную ипостась, которая преломляет в своей природе конвенциальные, гуманитарные категории в их дискурсивной выраженности.

Поэтому нарушение культурной ситуации чревато конфликтами в общественном и культурном сознании, которые материализуются в новых тенденциях культурного развития.

Такой тенденцией, поддерживаемой “отрицанием” русского языка в государственном, общественном, учебно-научном, литературном, культурном пространствах, можно определить угасание интертекстуальности, особенно в её русской классической литературной составляющей. Эта тенденция изменила тип культурного сознания современного общества, которое из литературоцентричного превратилось в рекламоцентричное. В течение XIX–XX веков в сознании людей было убеждение, что литература включает в себе все ценности человеческой жизни – духовные, нравственные, интеллектуальные, эмоциональные – и именно литература является источником жизненного опыта, присвоение которого человеком из реальной жизни и другого времени составляло этическую и культурную норму времени. В XXI веке литература утратила свою роль ценностного, нравственно-духовного, эстетического центра общественного сознания, ушла в его маргинальные сферы, уступив место рекламе, эрзац-жанру, соответствующему по своим прагматическим, когнитивным, эстетическим параметрам принципам современного общественного сознания.

Интертекстуальность как гуманитарная универсалия определяет на словесно-текстуальном уровне генетическую культурную память, связывающую архетипично и эмпирически тот или иной текст с творческим словесным пространством предшествующих времён. “Но, может быть, поэзия сама – одна великолепная цитата” (А. Ахматова).

Естественно, что утраченные связи с текстовым пространством культурной истории безусловно ограничивают современное творческое и мыслительное сознание в плане его аттракционных эпистемологических возможностей. И, наверное, поэтому гуманитарное знание в массовом и даже профессиональном сознании понимается как линейный феномен, имеющий своё начало и конец. При этом не различается феноменологический и интерпретационный планы объекта мыслительного процесса. Эта методологическая проблема замыкается в своего рода эпистемологическую фикциональность, когда принципиально ложные принципы познания приобретают статус государственного канона.

Вообще категория фикциональности в своих двух ипостасях: как категория социальной лжи в её нарочитом смысле и категория фикциональности как выражение несоответствия между содержанием и способами его формирования и выражения в современном дискурсивном пространстве является едва ли не ведущей. Эта категория определяет дискурсивное содержание с точки зрения его соответствия философской оппозиции истина/ложь в соответствующей этому содержанию формальной выраженности. Тотальная фикциональность в идеологических дискурсах в современном общественном сознании воспринимается как этическая норма – “так и должно быть”. В дискурсах, связанных с мыслительными процессами, категория фикциональности “работает в режиме анонимности”. Её осмысление – это знак определённого научного аналитизма, преодолевающего определённые эпистемологические стереотипы, выходящего в пространство нетривиального аттракционного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // Ролан Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с. 2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. // М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с. 3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию //

М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс; М.: Культура, 1992. – 415 с. 4. Dijk T.A. van. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. – Режим доступа: <http://www.discourses.org/OldArticles/Critical%20discourse%20studies.pdf>.

© В.А. Гуторов, 2010